

3. Сибирь в составе Российской империи / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев (отв. ред.) ; И. Л. Дамешек [и др.]. М., 2007. С. 278.
4. Катцина Т. А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе в XIX – начале XX вв. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. 2010. № 3. С. 6.
5. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 151–152.
6. Там же. С. 27.
7. Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 226.
8. Ссылка в Сибирь ... С. 315–316.
9. Павлова И. П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века : монография. Красноярск, 2003. С. 60.
10. Серошевский В. Указ. соч. С. 226.
11. Сибирь в составе Российской империи ... С. 228.
12. Серошевский В. Указ. соч. С. 221–222.
13. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения ... С. 18.
14. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 33. Оп. 1. Д. 2. Л. 425.
15. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. С. 178.
16. Семилужинский Л. (Н. М. Ядринцев). Бродячее население Сибири // Антология социальной работы. В 5 т. Т. 2. Феноменология социальной патологии / сост. М. В. Фирсов. М., 1995. С. 24.
17. Селиванов А. Ф. Современное положение русской благотворительности // Тр. Первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 305.
18. Семилужинский Л. (Н. М. Ядринцев). Указ. соч. С. 24.
19. Труды съезда по общественному призрению, созванного МВД 11–16 мая 1914 г. Т. II. Материалы. Пг., 1914. С. 426–427.
20. Серошевский В. Указ. соч. С. 226.
21. Павлова И. П. Указ. соч. С. 59
22. Краевое государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Красноярского края». Ф. 161. О. 2. Д. 609. Л. 33 об.

**КОРОБЧЕНКО А. И.,  
СЕНИЧЕНКО В. В.**

### **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦЕЙСКИХ СЛУЖБ РОССИИ В БОРЬБЕ С ХУНХУЗАМИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Долгое время китайский бандитизм в российских пределах носил циклический характер. Всплески китайских правонарушений приходились на 1868, 1879, 1885 гг. Причины были различные – так, в 1868 г. российские власти прикрыли незаконную золотодобычу китайцев в Приморье, те ответили вооруженным восстанием. В 1879 г. российские власти в период осложнения отношений с китайским правительством из-за пограничных терри-

торий ввели ограничения для китайских земледельцев на Амуре и промысловиков в Южно-Уссурийском крае. Те в ответ стали устраивать диверсии. В 1885 г. после разгрома в Маньчжурии так называемой «Желтугинской республики» китайские бродяги устремились в российские пределы и стали промышленять грабежами [1].

В остальное время китайский бандитизм не отличался, к примеру, от японского или корейского. Так, за период с 1890 по 1892 г. за бандитизм было осуждено 13 китайцев или чуть более четырех китайцев в год [2].

Всплеск китайского бандитизма пришелся и на время «боксерского восстания» в Китае в 1899–1901 гг. и начавшейся после этого русско-китайской войны в Маньчжурии. Некоторые китайцы – жители Амура – обстреляли даже Благовещенск. Российские власти предприняли в отношении китайских крестьян акции по изъятию оружия.

Так, в рапорте прокурора Иркутской судебной палаты Министру юстиции от 16 сентября 1900 г. сообщалось об аресте полицейскими банды хунхузов – вооруженных китайских бандитов, прибывших в приграничную деревню. Было арестовано 20 китайцев. При обыске фанзы (китайского дома) были найдены спрятанные под циновками на каннах два револьвера и мешок с патронами. Китайцев связали за косы и оставили в фанзе под надзором нескольких стражников.

Пока начальник участка опрашивал хозяев и жителей деревни относительно задержанных, один из них незаметно овладел обоими револьверами и начал стрелять. Стражник Солодянкин обнажил пашку и ударом ее выбил револьвер из рук китайца. Китаец попытался убежать через окно, захватив с собой второй револьвер. Однако прибежавший на шум другой стражник выстрелом из винтовки убил его наповал [3].

Остальные арестованные, воспользовавшись суматохой, развязались и тоже затеяли борьбу со стражниками. В результате двое китайцев были убиты на месте, трое, Ян Тинтуй, Не Цеохунь и Чун Баусань, схвачены, а остальные скрылись.

Арестованные не принадлежали к числу профессиональных бандитов, тем не менее, они по показаниям не были знакомы местным жителям. Кроме того, китайцы не могли объяснить причину и цели своего пребывания в деревне.

Прокурором был предложен обвинительный акт по данному делу согласно ст. 271 Уложения о наказаниях. Окружной суд при-

знал в действиях обвиняемых признаки вооруженного сопротивления чинам полиции, что являлось подсудным военному суду. Дело было передано в военный суд, который приговорил китайцев к расстрелу [4].

13 мая 1901 г. вооруженные китайцы напали (по-видимому, из мести) на старосту Као Юнбу. Спасаясь от преследования, староста попытался скрыться. Однако был убит залпами из ружей, труп его облили керосином и сожгли.

Разбойники прибыли в деревню на шаланде с моря и скрылись тем же путем. Никто из них не задержан, и имена их были неизвестны.

По распоряжению прокурора началось следствие по данному делу. Староста Као Юнбу за усердную службу был награжден посмертно [5].

Таким образом, всплески уголовной преступности среди китайцев, проживавших в восточных районах Российской империи, были, но вызывались объективными причинами социального характера. К тому же китайские бандиты не были профессионалами.

Но русско-японская война и послевоенное усиление миграционного движения на Дальнем Востоке страны вызвали невиданный подъем преступности иностранцев. С этого времени в структуре преступности среди китайцев, как основной группы иностранного населения края стали преобладать уголовные преступления, такие как кражи, грабежи, нанесение побоев, убийства в Приамурье и Приморье. На Дальнем Востоке появились китайцы – профессиональные преступники (табл. 1) [6].

Таблица 1

Рост числа преступлений иностранцев по данным Владивостокского окружного суда за 1906–1909 гг.

Возникло дел по	Годы			
	1906	1907	1908	1909
кражам	450	549	556	605
разбою	103	93	96	101
покушению на жизнь	290	417	424	483
поджогам	30	53	55	76
грабежам	106	140	146	226
покушению на здоровье	41	16	17	37
преступлениям против нравственности	10	23	24	39
Всего	1030	1291	1318	1567

Больше всего подвержены воздействию иностранных преступников и правонарушителей были районы компактного проживания китайцев – Амур и Приморье. Здесь китайские подданные совершали ежегодно в три раза больше преступлений, чем в других уездах [7].

За период с 1906 по 1909 гг. во Владивостокском окружном суде число возникших по вине иностранцев дел возросло на 537 (52 %). Параллельно с этим увеличилась доля краж на 155 (34 %) и преступлений, связанных с покушением на жизнь 193 (66,5 %), которые преобладали в структуре возникших в суде дел.

В начале XX в. иностранные преступники совершали в регионе особо тяжкие преступления: 15 % убийств, 7 % краж, около 25 % грабежей и контрабандных операций приходилось на их счет [8]. Самым криминальным центром по числу убийств, совершенных иностранцами, стала Чита. По данным Читинского окружного суда в 1906 г. китайцами и корейцами было совершено 32 убийства, в то время как во всем Приморье только 16, в 1907 г. в Чите китайцы убили или произвели покушение на убийство 29 человек, в Приморье только 15. В 1909 г. в Чите было совершено китайцами 34 убийства, во Владивостоке – 9, а в Иркутске – только 2 [9].

Среди всего иммиграционного населения Восточной Сибири размер преступности китайцев был самым высоким и увеличивался с каждым годом. За период с 1906 по 1909 гг. по сведениям окружных судов Иркутской судебной палаты китайцами было совершено 546 преступлений, корейцами – 18, японцами – 11 [10].

По делам Владивостокского окружного суда в 1906 г. на долю китайцев приходилось 65 преступлений, в 1907 г. – 61, в 1908 г. – 83, в 1909 г. – 74; корейцы совершали преступные деяния значительно реже: в 1906 г. – 7, в 1907 г. – 2, в 1908 г. – 2, в 1909 г. – 6; японцы за данные четыре года только в 1906 г. 4 раза и в 1907 г. 5 раз нарушали российские законы [11].

Кражами, грабежом и разбоем в регионе занимались также в большей степени китайцы. С 1906 по 1909 гг. число краж возросло более чем в два раза (с 14 до 30), грабежей – почти в два с половиной раза (с 5 до 14), случаев разбоя зарегистрировано в 1906 г. 29, в 1907 г. – 21, в 1908 г. – 26, 1909 г. – 21 раз [12].

Чаще всего преступления совершались в приисковых районах и крупных городах, где скученность китайского населения была значительной. Наибольшее их число за пять лет, с 1905 по

1910 г., наблюдалось в золотопромышленных районах (Зейский и Буреинский горные округа) – 66 [13].

Китайские бандиты – хунхузы, промышленяя рэкетом, обирали приисковых рабочих. Пострадавшие, опасаясь мести бандитов, боялись обращаться за помощью к властям и регулярно платили дань. Чаще всего виновных обнаружить было сложно, потому что китайским купцам и мелким фирмам проще было откупиться от бандитов. Нередко китайские торговые фирмы субсидировали хунхузов или оказывали им помощь посредством своих агентов [14].

Журнал «Сибирские вопросы» сообщал, что борьба с хунхузами не приводила ни к чему, несмотря на существование таможенной и пограничной стражи, полиции и прокуратуры, а также военных властей, использовавших все преимущества паспортной системы учета китайцев в пределах России [15].

Российские власти предпринимали неоднократные попытки по проведению карательных экспедиций против хунхузов. *Основной ударной силой этих акций были чины военного министерства – казаки.* Так, 26 сентября 1907 г. в районе залива Св. Ольги действовал отряд поручика Рутковского в составе трех офицеров и 165 стрелков 36-го Восточно-Сибирского полка. В стычке 12 июля им было ранено 2 хунхуза, 1 августа убито 2 китайских бандита, 12 сентября 1907 г. российский отряд настиг банду и уничтожил 24 хунхуза. 3 преступника были захвачено в плен [16].

Как нам представляется, хунхузы продолжали действовать, поскольку некоторые китайские, да и российские фирмы, опасаясь мести, финансировали преступную деятельность [17]. Так, консульство в Харбине 8 июля 1910 г. сообщало в МИД России, что китайские солдаты часто жалуются, что их обувь не позволяет преследовать в тайге хунхузов, которые ходят почти все в сапогах, поставляемых им русскими концессионерами [18].

Рост бандитизма в приграничной зоне заставил российские и китайские власти пойти навстречу друг другу. Российский консул в Харбине подписал с даогаем Юйем соглашение в 1909 г., предоставляющее право китайским воинским командам расстреливать русских разбойников, и российским – китайских [19].

В целях организации эффективной борьбы с хунхузами и разработки мероприятий по их полному уничтожению во Владивостоке 9–10 августа 1910 г. состоялось Сопровождение под председательством генерал-майора Свечина. В результате обсуждаемой проблемы было выработано ряд постановлений:

1) признавая преступления хунхузов как действия массовой дикой организации, вести с ним борьбу исключительными мерами, не применяя существовавшие законоположения следственно-го и судебного делопроизводства;

2) вести борьбу не с помощью небольших войсковых частей, а решительными мерами войск по заранее выработанному плану;

3) Южно-Уссурийский край разделить на пять районов, в каждый из которых назначить воинскую часть для обследования и уничтожения обнаруженных вооруженных банд, ханшинных заводов и пр.;

4) для контролирования морского побережья от залива Ольги до реки Славянки направить флотилию;

5) ежегодно с 1.10 по 1.11 и с 15.03 по 15.04 организовывать охрану границы от перехода хунхузов от реки Тумень-ула до Амурского залива разведывательными командами;

6) создать тайную агентуру для сбора сведений о хунхузах.

Постановления получили одобрения генерал-губернатора, и с согласия Министра внутренних дел на их реализацию в ноябре 1910 г. было ассигновано 33 505 руб. [20].

Тем не менее, российские власти не могли справиться с китайской преступностью лишь силовыми методами, образовывая отряды ополчения, привлекая для борьбы войсковые части и организуя преследование бандитов казачьими отрядами.

Таким образом, появление профессиональных преступников-китайцев на русском Дальнем Востоке и в Восточной Сибири приходится на период после русско-японской войны 1904–1905 гг., когда началось строительство амурской железной дороги и вместе с рабочим элементом в край проник и преступный.

Первоначально российские власти по традиции пытались использовать казаков для проведения карательных экспедиций против китайских бандитов-хунхузов. Но вскоре выяснилось, что российские власти не могли справиться с китайской преступностью лишь силовыми методами. Результатом проведения воинских операций стало лишь ожесточенное сопротивление хунхузов, убийство казаков в приграничной зоне.

Поэтому было решено передать борьбу с хунхузами в руки общей полиции, которой разрешалось по мере необходимости привлекать воинские команды. Практика противодействия китайским преступникам со стороны полиции и судебных органов заключалась в слушании дела задержанных в подозрении совершении уголовного преступления китайца в упрощенном вариан-

те без присутствия прокурорского надзора и без защитника. Кроме этого, устанавливался жандармский обход с патрулем пассажирских и товарно-пассажирских поездов для задержания подозрительных лиц. Нанимались агенты-сыщики из китайцев для пресечения действий хунхузов. Однако, как показала практика, китайцы-сыщики были для мирного китайского населения чуть ли не большим несчастьем, чем сами бандиты. Они оказались «людьми низкой нравственности», которые обирали и запугивали китайское население, которое и являлось основным объектом преступных посягательств хунхузов.

Поэтому защиту от хунхузов было решено организовать установленным в законе надзором штатной полиции. Ежегодно определенное количество китайцев арестовывалось полицией и осуждалось русским судом по уголовным делам. Но значительная часть китайских преступников избежала наказания, так как скрылась от следствия или была оправдана из-за недостатка улик. Сказывалась и недостаточная техническая оснащенность русской полиции.

Часто китайские бандиты были связаны с представителями иностранных разведок – японской и германской. Но попытки иностранных держав использовать хунхузов для проведения диверсий в годы соответственно русско-японской 1904–1905 и Первой мировой войны 1914–1918 гг. не увенчались значительным успехом из-за эффективно противодействия полицейских служб. Это характеризует совместную деятельность контрразведчиков, жандармов и работу полиции с профессиональной стороны, несмотря на имевшие место отдельные случаи межведомственных трений.

### **Примечания**

1. ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 58. Л. 5–11.
2. Крюков Н. А. Промышленность и торговля Приамурского края. Н. Новгород, 1896. С. 41–44.
3. ГАИО Ф. 245. Оп. 1. Д. 139. Л. 121.
4. ГАИО Ф. 245. Оп. 1. Д. 139. Л. 121.
5. ГАИО Ф. 245. Оп. 1. Д. 254. Л. 34.
6. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 21. Л. 192.
7. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 21. Л. 192.
8. Синиченко В. В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX–начале XX веков. Иркутск : ВСИ МВД России, 2003. С. 100.
9. Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. Прил. 41.
10. Там же. С. 236.
11. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 21. Л. 192.
12. Там же.
13. ГАИО Ф. 245. Оп. 1. Д. 611. Л. 43.

14. Обыватели и полиция // Сиб. вопр. 1912. № 20. С. 56.
15. Обыватели и полиция // Сиб. вопр. 1912. № 20. С. 55.
16. АВПРИ. Ф. Китайский стол. (1899–1913). Оп. 491. Д. 1002. Л. 30.
17. Там же. Оп. 491. Д. 1002. Л. 48;60.
18. Там же. Оп. 491. Д. 1002. Л. 104.
19. Там же. Оп. 491. Д. 1002. Л. 79.
20. Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб. 1912. С. 101, 102.

**КУЗЬМИН И. А.**

## **СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЪЕКТИВНОМ СМЫСЛЕ**

Жизнь человеческого общества как непосредственное выражение социального общения, взаимосвязей и коммуникации между людьми (их объединениями) представляет собой сложное динамическое явление. Разноплановость и многоаспектность общественных связей определяет и специфику социально-нормативных положений, которые направлены на создание и поддержание порядка в обществе.

Этические нормы (морали, нравственности), религиозные нормы, нормы права, обычаи и корпоративные нормы являются важнейшими регуляторами общественных отношений – это своеобразные модели «желаемого» состояния и поведения субъектов, закрепляющие рамки допустимого и дозволенного, возможность поступать тем или иным образом. С известной долей условности названные нормы выступают своеобразной «мерой свободы» участников общественных отношений.

Позитивное право как совокупность норм и правил, исходящих от государства, является ведущей подсистемой социального регулирования. Это обуславливается рядом особенностей, отличающих нормы права от иных видов социальных норм. Так, право является единой системой общеобязательных норм, действующих в масштабах всего государства, которые устанавливаются (санкционируются государством), обеспечиваются силой государственного воздействия и зачастую обладают критерием формальной определенности.

В отечественной юридической науке феномен «позитивное право» традиционно обзревается с двух позиций: как объективное право (совокупность норм права – целостное, упорядоченное образование) и субъективное право (основанные на общих правовых нормах конкретные права и обязанности участников правоотношений) [12, с. 7].